

ВЛАДИМИР ЭРЛЬ

В Ч Е Р А,
П О С Л Е З А В Т Р А   И
П О С Л Е П О С Л Е З А В Т Р А

Параллельные Тексты

22-8/6 - 67

Палата Мер и Весов

Всем своим друзьям

с любовью посвящает эту книгу.

автор.

часть первая

Луций Гай Фабрицио
дель Фернандо
Моногатари

I.

"он любил славу"

... встретил меня и пошёл звонить¹ по телефону; поговори́в, опять вернулся ко мне и продолжил начатую² беседу.

Читает наизусть письмо девушки, которую раньше любил³. Она просит в письме вернуть все её старые письма: "Моя первая — первая и последняя — просьба к тебе; я ведь тебя никогда, ни о чём не просила." Хочет, чтобы никто никогда не прочёл этих писем.

"Затмение": паломничество в Пушкин. "8 с половиной" — то же самое. Всё равно?

Пожалуй, ничего больше не известно...

И про лотерейные билеты, и про найденный сегодня в М.

---

¹ мне.

² до звонка.

³ Очень сентиментален — до торжественности:

"Её просьба для меня — всё!"

Три девицы нагло хохочут: надо сказать им высокопарную фразу.

4-я: вид с лестницы: шумно швыряет сопли на пол; сама внешне симпатична и прилична. По её виду кажется, что ничего (такого) не случилось.

Происходил он из ост-зейских баронов, из недревнего, и обветшалого рода. Сейчас, конечно, это роли не играло, но сам... титулом своим гордился. Он порядком пообносился, но знали его многие: его имя открывало двери всех низкопробных салонов нашего города.

... Не нашли Ивана Ивановича?

— Нет, — и я сделал неопределённый жест рукой. — Он куда-то ушёл.

Но старушка, хитро прищурясь, основательно поразила меня, сделав своей сморщенной ладошкой перед самым моим лицом точно такой же неопределённый жест и сказав, почти не слушая (не слыша) моего ответа:

— Да! Он куда-то ушёл.

После этого она быстро встала и ушла.

О (___): "Ну такой, знаете... Гоголем ходит, на Добролюбова похож."⁴

Человек с мемуарами на скамье. Рядом дама.

~~4/~~ **Примеска А. В-ского: "Пушкин в своем роде".**

Читает их вслух, — она заглядывает ему через плечо и поправляет платье.

7.

Белый Клык. (отрывки)

(1)

Наступило утро. После ночной грозы весело чирикали воробьи. Мария Леонидовна с двумя чемоданами в руках вышла за калитку.

(2)

После взрыва
я подумал:

Соберите меня я так не хочу у меня жена и дети где ты петя зачем ты это сделал надо спать спать спать я так больше не могу затылок чешется а почесаться нечем пальцы вон они где в кустах и из носу течёт как ты Мария где ты петя где ты кусты а в кустах вова где ты теперь я не хочу хочу чтобы меня склеили вася приходи со своей коробочкой или нет не надо ты будешь грубить а я этого не люблю я джентельмен я хотя и разорван на куски а всё-таки джентельмен полетят клочки по закоулочкам а я всё таки не хочу хочу не хочу а уже полетели кто меня приласкает такого о кто меня полюбит дайте мне перо и бумагу я буду писать письма друзьям я попрошу чтобы пришёл вася и склеил меня а потом я б

~~4~~

~~Принцесса А. В.-ского: "Пушкин в своём роде."~~

✓

уду любить таню а ещё я буду любить
 мишу а ещё я поцелую сарданала
 в лоб и губы я пойду купаться в да
 рданельский пролив я нырну и поцел
 ую валю она засмеётся и будет тону
 ть я её спасу а потом она выйдет з
 а меня замуж и у нас будут дети тр
 ое детей и я полюблю Марию Мария п
 озови васю он меня склеит и я буду
 любить тебя так нежно вася ты ревн
 уешь вася оклей меня я не буду люб
 ить Марию ты её сам будешь любить
 а я буду любить нину Марину и олю
 я женюсь на коле и у нас будет мно
 го детей и все девочки вася а вася
 васенька склей меня я напишу тебе
 письмо и всё объясню вася ты всё м
 ожешь у тебя есть паяльник что я х
 уже олова что ли вася я не хочу лю
 бить валю нину наташу галю олю тан
 ю и петю я хочу поехать в Крым я т
 ам ещё не был а кто же меня такого
 туда пустит вася приходи скорее ох
 вася вася — — —

Пришёл Вася и долго ругался. Я ему не понравился. Но
 всё-таки он взялся за дело и быстро с ним справился.⁵

⁵...довёл его до конца.

Я остался доволен, и он остался доволен. Мы оба остались довольны (друг другом).

(3)

— Вот, смотри: видишь бородавку, — спросил Вася.

— Вижу.

— Береги её. Она тебя любит.

— Ну вот и отлична! — Вася довольно заулыбался.

— Слушай, Вася, а чья это бородавка?

— Петина.

— А-а... Ты знаешь, я ведь думал, что моя.

— И твоя тоже.

— Вот и хорошо. Прекрасно! Я так рад!..

(4)

Выйдя на набережную, Соня захохотала (закмурив глаза, она стала похожа на тыкву) и поправила платье. ✓

Пролетела крылатая птица. Вода медленно качала тела Сони и Андрея. Где-то над ними висел в воздухе совершенно растерзанный Пётр. У него уже не было бородавки под носом, но (несмотря на это) он всё ещё был похож сам на себя.

Соня помахала ему рукой и яростно улыбнулась. Закмурив глаза, она стала похожа на тыкву.

(5)

В середине августа Соня Мармеладова уехала на юг. Она обо всём догадалась. Это было ей к лицу.⁶

---

6. (подходило к её фигуре)

В Геленджике она купила себе восемь пар носков, пляжные (или банные?) тапочки и ружьё для подводной охоты: она хотела подстрелить куропатку.

Один за другим проходили долгие жаркие дни. Было очень сухо. Море сверкало. Летали чайки. Реяли орлы. Из-за скалы смотрел на морские волны Пётр Ильич. Он хорошо отделился. В конце концов, без рук тоже неплохо. А что такое нога? — Бессмысленная подставка!

Наступил октябрь.

8.

Обычный вид китайского ландшафта...

9.

"Да. Мы — жестокие люди", — ответили мы.

10.

Сегодня сбрил бороду и усы.

11.

В том-то и заключается наша беда (наш удел), что мы всё понимаем, но ничего не хотим исправлять. — И не исправляем. Как исправить? и что?..

Сюда же: разговор с Николаем Ивановичем на трамвайной остановке.

12.

Разочарование Н.И. — Я со своими утешениями. — — Веселясь в Кавказском ресторане. — — Трудоустройство Николая Ивановича.

"Я давно уже заметил, что всё, происходящее со мной, как бы отражается на всех остальных, только в большем масштабе".

"Седина в голову, а бес в ребро, или Здравствуй, сумасшедший дом!"

Альтшулер и Галина.

Альтшулер: "Ты хочешь стать деревом?"

(Ф. Степун)

13.

Ещё неизвестно, что скорее приводит к абсурду: пессимизм или оптимизм.

Например:

Вещь, которую ты потерял, могли украсть. Если ты потерял не вещь, а что-то другое, то — значит, увы! — у тебя её с самого начала не было.

14.

— — И я требую от людей, которые хотят меня знать, чтобы они знали меня в обоих вариантах.

15.

Сегодня ко мне приходил Александр Николаевич. Сначала

мы долго пили чай, а потом пришли к выводу, что прежде всего нужно совершать поступки. Александр Николаевич мотивировал это своей идеей о воздействии автора на психологию масс. Я же — рассказал А.Н. о принципах естественной философии, как я её понимаю.

Кроме того, я рассказал А.Н. о теории новых жанров в литературе и о своих видах на "Цезаря".

Как и обычно, мы остались довольны друг другом.

Сегодня я подумал: "Тщательность — сестра абсурда."

16.

Был Дмитрий Борисович. Играли в карты.

Ещё — заходил Николай Иванович и съел все сгущённые сливки, что у меня оставались.

Потом Дмитрий Борисович ушёл, а мы с Николаем Ивановичем заговорили о жизни.

Как и обычно⁷, Николай Иванович после разговора со мною ушёл очарованный и немного растроганный.

17.

Последнее время мне всюду и всегда попадаются какие-то коротконогие люди! Прямо не знаю, что делать.

Выйду на улицу, а навстречу — коротышка. То есть не

совсем коротышка: туловище-то у него, пожалуй, нормальное, а ноги - на тебе пожалуйста!..

Стоял я вчера на мосту. Только что выпил чашечку кофе. Во рту, естественно, густая слюна. Наклонился, посмотрел на воду. Плюнул. Плевок, сходя с губ, был, вроде, нормальный. Пока летел - тоже. Но когда упал на воду - тут он сразу проявился во всей своей красе: так и поплыл, как упал: будто комочек ваты после зубного врача.

Да и вообще - кругом сплошные неприятности.

Сегодня утром пришёл выпить кофе - это как раз от него у меня были такие слюни, - пришёл, значит, выпить кофе, смотрю, - стоит Пропилеев в очереди и не снимает своих тёмных очков. Мало того: хотел я отвернуться, мимо пройти - будто не заметил, - и скорей на улицу, а он мне прямо в глаза уставился сквозь свои тёмные очки и ждёт, когда я с ним поздороваюсь. Пришлось ему кивать - здравствуй, мол, многоточие.

(Этот Пропилеев когда-нибудь выведет меня из себя. Мало ему того, что он коротышка, так мне ещё кажется, как на него посмотрю, что у него и ножки слишком маленькие. Прямо скоч-терьер какой-то, а не человек! Добро бы, хоть голова была побольше, - так нет же, маленькая! Даже очень. Поэтому-то и носит длинные волосы и такие большие очки. - И он ещё писателем себя называет! Да он - просто пародия на писателя (и то - в лучшем случае).

И вот этот Пропилеев, выпив кофе (с лимоном), вышел на улицу и стал спрашивать закурить. Пришлось дать ему папиросу. И только подумайте! - Пропилеев даже обиделся, когда

увидел, что ему дают папиросу, а не какие-то там его любимые сигареты. Но, всё же, взял, мундштук смял, как извозчик, и закурил.

К счастью, мне с ним недолго пришлось стоять, потому что подошёл наш общий знакомый Ряхов — тоже, надо сказать, фрукт! — и немножко разрядил собою обстановку. А потом вдруг прекрасно поступил: предложил Пропилееву поехать с ним прямо сейчас за город, и Пропилеев мне на радость согласился. Тогда я, довольный, пожал им обоим руки (и Пропилееву!) и быстро зашагал в противоположную сторону.

Немного постоял на мосту... Но об этом уже сказано.

Потом гулял. Зашёл в несколько книжных магазинов; ничего, конечно, путного не видел. Потом походил по аллеям вокруг Михайловского замка и часа через два обнаружил, что устал. Тогда я пошёл домой, улёгся на диван и принялся читать какие-то глупейшие рассказы. Читать было противно, но в то же время приятно. Я прочёл десятка два рассказов и уснул. Проснулся в четыре ночи, встал, съел два куска хлеба с маслом, выпил холодной воды, закурил и уселся за описание.

Сначала у меня ничего не получилось, но потом я разошёлся и выдал восемь строк. Но дальше дело всё равно не пошло. Тогда я расстроился, открыл свою серую тетрадь и стал описывать сегодняшний день.

Писал я медленно и всё больше злился. Пока я заполнил три полторы страницы, успел выкурить почти полпачки папирос. Пачки я всё время кидал на постель, а папиросы тухли отчаянно. Поэтому мне приходилось каждый раз вылезать из-за стола и на цыпочках ходить за ними по этому жуткому скри-

пучему полу. Ходил я, наверное очень громко, потому что, когда я вставал из-за стола и с шумом двигал кресло, старуха-соседка начинала всхлипывать и стонать из-за стены. Но это всё же было немного лучше её протяжного храпа или булькающего сопения.

Всё же, но я успел закончить сегодняшнее описание, и, хотя совершенно не хотел, лёг спать.

18.

За последнее время со мной решительно ничего не случается, только постоянно и невыносимо болит голова. Наверное, я скоро совсем перестану записывать что бы то ни было...

Всегда во время прогулок я что-нибудь сочиняю, — иногда даже довольно длинные стихи, — но стоит мне сесть за стол, как я моментально забываю всё, что придумал минуту назад. Просто не знаю что делать!

И голова болит всё время.

19.

Сегодня все, кого я увидел в Катценгофе, как — то особенно и значительно переглядывались.

20.

— всё это вместе взятое привело меня к тому, что мне уже всё равно, что читать. Я беру сборник современных рассказов или роман — ну, скажем, Апулея, — последний номер научно-популярного журнала или описание технических данных новой модели роталпринта. Мне всё равно. И то, и другое я читаю с одинаковым интересом.

Собственно, даже не читаю, — просто смотрю перед собой, а на пути моего взгляда лежит раскрытая книга (журнал, газета, рукопись...). В это время я только и могу сказать самому себе: "Это книга". Я проникаюсь уважением к печатному (или рукописному) изданию и чувствую, что мне с ним больше нечего делать: я всё понял. И я откладываю его (текст) в сторону.

Но книги и вообще всякое печатное слово всегда притягивают меня к себе. Мне интересно всё — написанное, переписанное, напечатанное... Часто я остаиваюсь перед К. и напряжённо читаю наклеенную на деревянный щит газету. Если газета свежая, то я только быстро просматриваю её. Если же ей несколько дней, — то тут я уже не отрываюсь, пока не прочту её всю целиком. Здесь, наверное, властно заявляет о себе история литературы.

Однажды, недели три назад, я был по-настоящему счастлив: на деревянном щите перед К. висели ключья старой газеты. Приклеены они были на совесть, и поэтому, очевидно, всю газету — если только хотели сделать именно это — сорвать не удалось. Оторвали же только несколько кусков по краям и из середины. Под самой верхней рванью была другая, а ещё глубже — третья и т.д.

Не знаю, может быть, кто-то хотел испортить постоянным читателям этого места настроение, разорвав свежую газету, или, может быть, этот кто-то отрывал для

себя полюбившуюся ему статью и вошёл во вкус... Не знаю. Но мне эти драные газеты доставили огромную радость. Около часа стоял я перед решёткой К., впиваясь глазами в газетные лоскутья. Слова обрывались на серединах букв и продолжались другими, начинающимися тоже с середины (букв).

Я долго стоял и наслаждался чтением.

21.

Это вы, простодушные люди, стоите вокруг меня! Сколько же вас?! — — и т.д.

22.

Каждый раз, приходя в Катценгоф, и усаживаясь на скамейку, я вижу, сидящего напротив пожилого, плохо выбритого человека в поношенном коричневом костюме. Этот человек, заведя меня, облегчённо вздыхает и, откинувшись на спинку своей скамьи, начинает с нескрываемым любопытством меня разглядывать.

Сначала он смотрит мне в глаза, потом в рот, на подбородок, потом переводит взгляд на плечи, потом он разглядывает мой живот — и так далее. Дойдя до ботинок, он, спохватившись, делает вид, будто разглядывает что-то у себя под ногами, но долго выдержать не может и снова начинает смотреть мне прямо в глаза.

Он уже хорошо знает всех моих друзей. Когда однажды я появился в К. вместе с Ряховым, он даже как-будто еле заметно кивнул нам.

23.

Позвольте заметить, что я помню то же, что и Вы...

Одному одно, а другому — другое.

24.

забыл:

31-го у Юг был Л.Л. — Он только что вышел из больницы, где пробыл семь (семь!) месяцев.

25.

У лауреатов Нобелевской премии есть привычка произносить при получении своей мзды речь.

26.

Моя клетка снабжена телефонным аппаратом и электрическим освещением. Имеются также:

...обогревательная электропечь;
электрорампа настольная;
электроплитка;
электрочайник...

Жизнь моя представляет собой скольжение по наклонной плоскости. Внизу вовсе не так страшно, как кажется сверху. Здесь — очень интересно. "Интересно" — не то слово, но это всё равно. Здесь довольно много уютных тёплых местечек, — нужно только, падая, постараться угодить в то, какое тебе больше по вкусу.

То время, в котором я пребываю, относится к другой эпохе... Впрочем, всё это опять-таки, неважно, а если говорить точнее, — "неинтересно".

Гораздо больше интересные вещи можно прочесть в любом периодическом издании. Например:

"Самый болтливый в мире попугай умолк."

Притти Бой ("Милый мальчик"), принадлежавший семье Линк, имевший словарный запас в 500 слов, поющий песенку "Счастливым день рождения", способный произнести речь из 50 фраз, ни разу не сказав "значит" и "так сказать", выступавший более 500 раз по американскому радио и телевидению и даже записанный на грам-пластинку, скончался по неизвестным причинам. Похороны его состоялись на собачьем кладбище города Санкт-Петербурга (штат Флорида).

Убитые горем, хозяева покойного, с прискорбием сообщают, что потеряли на смерти Притти Боя по меньшей мере 25 тысяч долларов.

или:

"Когда североамериканцы думают о Латинской Америке, она представляется им большим котлом с марихуаной".

Румынские же народные сказки хороши для эпиграфов и эпилогов:

"А было это тогда, когда этого и в помине не было." — — "Кто поверит, тот значит и понял, что я вру."

Но лучше всех, конечно же, Гоголь:

"Голос в толпе": Эй, англосаксы!"

27.

Кладбище отмирало.

- Стоит ли приписывать (снизу) примечания, приписывать нам чужие поступки? Стоит ли останавливаться посреди дороги, если вокруг никого нет? "Что за упряжка?"

- Укладывайте - ка - съ спать! Да не забудьте уложить вещи ("в сених")... Долго вас ещё ждать?!

- Не очень.

28.

Выключатель "отключается" и "раскалывается". Всех арестовывают. Не успевают помочь "скорая помощь". Побег. Их хватают, но не хватает одного. Его ищут: все сбились с ног и ходят "на руках" и "на головах". Все его осуждают, потому что он не явился даже на суд, чтобы узнать о судьбе товарищей. Тогда всех отпускают на свободу, а его хватают и начинают щекотать. Всем весело, но чего-то не хватает. Совсем как и нас! Совсем как и нас. "Как у нас - так и у других." Или наоборот. Важных людей не ведут за шиворот, а возят на легковых автомобилях. Перед казнью он подумал: "Я ещё подумаю..."

Название пьесы: "Цветы и аплодисменты".

29.

Фортипианное воспоминание начала века. Стихи: "Тоска былых времён".

~~Мы оба были неправы и знали это, но никогда не при~~

Мы оба были неправы и знали это, но никогда не признавались друг другу в своей неправоте.

"Я снова вижу, как мы сидим друг против друга, Мари Лемез и я..."⁹

В глазах моего собеседника я читал как в открытой книге.

"Когда я смотрю на кипящий чайник, у меня всегда болит сердце", — думает он. Я свободно прочёл эту фразу.

Но интересно (гораздо интереснее!), что он подумает через минуту? — Этого знать — я уже не могу.

"Никогда. Никогда..."

Продолжаю:

Мелкие личные заботы омрачали лицо моего собеседника...

— Сказал ли я, что мой собеседник — дама? Впрочем, это не существенно.

Дружба их была — водой не разольёшь!
Попробовали керосином.

Скользка и крута была панель уличная, шли по ней двое. Один — молодой совсем человек, почти не нужно ему было бриться даже; другой же — старше и...¹⁰

И вот на обледенелом повороте поскользнулся гуру и... Молодой спутник его не успел протянуть руку, за локоть поддержать — слишком быстро падал гуру, метнувшись ногой по скользкому ото льда бугорку. Не

---

⁹ Жюль Ромэн.

¹⁰ ... был для молодого спутника своего — гуру.

сразу посмел молодой и почтительный спутник на упавшего посмотреть, — кольнуло его, в сердце: гуру теперь — себя скомпрометировал... (скомпрометировал себя или не? — а что-то неудобное, неприличное случилось с гуру). — Но всё же — медленно глаза скопил книзу и увидел: у ног его, у самых ног его гуру сидит — с удобством даже, боком — и большими умными глазами смотрит прямо в лицо молодому спутнику своему, — а глаза гуру — — очи, очи! — широкие, в пол-лица, и — понимающие... II

31.

Помни всегда о своём микрокосме
и в зеркала никогда не смотри .

32.

Четверть часа I марта.

... посмотрев на небо, подумал, что необходимо записать: "Над крышами домов поднимался розовый, с гнильцой, закат", — но намерения своего не исполнил, так как — — дремота, сладкая, моих, коснулась, глаз...

Оставалось около пятнадцати минут до конца служб.

И даже был сон, — сон, напомнивший мне кадры из "Прошлого лета в Мариенбаде", фильма, который мне всегда хотелось, но так и не удалось посмотреть. Впрочем, фильм этот я знал (по рассказам видевших его знакомых!).

II Примечание: Это случилось на самом деле: я поскользнулся. Поскользнулся, но не упал, — и не на кого мне было смотреть умным своим взглядом: один тогда шёл я.

— Мы шли по длинной улице, по обеим сторонам зарешётченной высокими сухими деревьями. — Мы — я и давнишняя моя знакомая, (в) которую я и т.д. — Моя спутница, "склонившись к плечу моему", внимательно слушала речь мою, плавно стекавшую с уст моих. Я уже говорил, что путь наш проходит по местам, удивительно напоминающим кадры из "Прошлого лета". Она соглашалась, и утреннее солнце блестело на её улыбающихся мне губах.

Шли мы ко мне, но...

улица кончилась, и что-то кончилось и оборвалось и во сне.

Я сворачивал, минуя, благодаря сну, сразу несколько кварталов, с Кленовой аллеи прямо на Малую Садовую. Рядом со мной шёл Александр Николаевич.

Внимание наше привлёк автобус, стоящий около молочного магазина, — вернее, не сам автобус, а то, что происходило рядом с ним, и в чём он (т.е. автобус) косвенно участвовал.

Происходило же следующее. Двое милиционеров втаскивали в автобус девушку, — а лучше сказать "грузили девушкой автобус", — поднимая её на длинном и широком шарфе, пропущенном у неё под мышками. Всё время девушка эта была безмятежно спокойна, и глаза её были закрыты, как и лицо. — Так же, как бывают закрыты глаза: сами собой, сами от себя самих.

Мне показалось очевидным, что девица эта была пьяна, и я с негодованием (продолжая разговор) сказал об этом А.Н-чу. Но А.Н. не поддержал моего негодования и даже возмутился им, ответив мне с сердцем в голосе: — Но разве ты не видишь, как она держится?! Ведь это же объясняет всё, что — —

— он, к сожалению, не договорил (вернее, я не дослушал), так как пятнадцать минут кончились, а вместе с ними и служба...

- Извините! - сказал он с возмущением. - Уж этим-то - я никак не занимаюсь!..

Как на экране кинематографа, дёргаясь, иногда совсем исчезая (плохой проектор, дефекты ленты и пр.), но обязательно появляясь снова и снова, мелькало напряжённое, сосредоточенно-задумчивое ¹²лицо Николая Ивановича.

- Отсюда и досюда я живу, - показал он рукой по сторонам. - Далее - я уже только существую...

В узких пространствах телефонных будок, медленно шевелясь и - неестественно медленно - покачиваясь, плавали говорящие люди.

И ещё раз: он любил славу. Он всё-таки любил её.

Александр Николаевич мочил себе ноги (ниже колен) одеколоном. - Когда упадут мне в ноги, - пояснял он, - - удивятся...

недоуменно, недоуменно вникающее в свои тайные мысли, - тайные мысли? - свои, - тайные мысли...

38.

Поэт-гурвич, поэт-кривулин, поэт-охапкин, поэт-топоров,
поэт-шир-али...

Поэт Вензель.

- от мужчины тянулась тонкая длинная тру-
бочка: по ней перетекали в её организм лёгкие,
ещё во многом несовершенные эмбрионы.

Мне показалось, будто П--н сказал: "Яички с яблоками".

39.

Главное действующее лицо кинофильма - фотография, не-
подвижно висящая всё время действия на стене.

40.

...представить себе человека, которому не осталось
больше совершенно ничего, кроме как переписывать или пе-
репечатывать на машинке клочки газет^{I3}, найденные в убор-
ной, или воровать письма из почтовых ящиков... Но письма
- это уже праздник! ("Будет, мол, и на нашей улице празд-
ник!") - Больше ни на что никогда, - - и он это знает
сам.

"Я хочу полюбить девушку..."^{I4}

41.

Название книги: "Ana Egin". Или автор (его имя).

I3

см. дан 20.

I4

В. Кривулин

Оказывается, — личность моя складывается из цитат и высказываний различных авторов... Вернее: высказывания различных авторов и цитаты из их произведений являются ни чем более, как выявлением м о е й личности.

я не хочу больше писать на этой странице,

Изобретается всё больше и больше парфюмерных новинок. Например, — духи для миллионеров: запах бумажных денег.

Можно и самому кое-что предложить: духи для писателей должны пахнуть бумагой (дубом, сосной...), для редакторов или издателей — старой газетой и т.д.

Самые изящные духи — для женщин: запах тела, это самый верный (не лживый) запах.

Когда я случайно прохожу по улице вблизи молодых женщин, мне кажется, что они пользуются этой новинкой.

В один из дней своей жизни, всегда протекающей в тёплой дружественной обстановке, я вышел из дома, и меня сразу окружила живая писательская среда.

Всякий, даже самый неискущённый в анатомии, рядовой человек великолепно знает о естественных отправлениях своего организма.

Зал № 239.

Франсиско де Сурбаран (1598-1664)

Распятие.

II-я половина 1650-х гг. I5

Дневники, записки Стендаля...

47.

"Опустите, опустите скорее мои веки!" - - Добрый Вий.^{I6}

V.O. Petronin's midnight

48.

В порыве ветра она (лист драной бумаги) как кошка вскарабкалась на дерево - и сейчас же спрыгнула обратно.

Др^{I7} = D₂?

49.

"Откуда дровишки? - Из лесу, вестимо..."

К. Николаев.

ПСОГЛАВЕЦ.

Четвероглавие, Псоглавие... - - Названия книг (текстов)

I6

(подумав о себе.)

I7

Birthday

50.

"6 августа сего года я впервые посмотрел на небо и не смог найти ничего, кроме увидел Большую Медведицу", — такими словами я начал письмо вместо обычного "здравствуй".

Говорят, что одна из звёзд М. называется Полярной?¹⁸

51.

Люди прошлого (старые знакомцы).

Что значит: "книга переживает"... и что такое — "пережить книгу"?

Я этого не понимаю.

52.

Евклид. Апология, или Как я делал Геометрию.

53.

Итак, в ночь с пятницы на субботу (с 30 на 31 октября) наступила зима. Утром на всём видимом из окна пространстве земли и асфальта лежал слой жирного белого хлеба. (Я оговорился: снега).

Здесь я всегда говорю о себе в прошедшем времени.

Но несмотря ни на что через день вместо I ноября наступило I марта и вместе с ним — весна.

Снега растаяли и превратились в журчащие ручейки. Солнце слепило глаза. Я шёл по улице. Облака проносились по небу, задевая иногда верхушки деревьев.

Да и почему же не быть весне? — Деревья стоят ещё совсем зелёные, а если и попадаются голые, то рядом с ними валяются опять-таки зелёные, совсем свежие листья.

На фоне весны ("портрет Весны в оконной раме") я закуриваю и шурюсь, глядя в небо. Вот из-за крыши выпархивает птица и, трясая своими крыльями, улетает вдаль. Всё как обычно. Я сижу на диване и тасую в уме разнообразные мысли. Какая выпадет (на мою долю)? Это меня сильно занимает. — Вот! выпала цитата (из А.Бретона): "я говорю навсегда". — Но нет... это сказал я сам, — выпала только фамилия предполагаемого автора предполагаемой цитаты.

Только что я потерял мысль на целых две страницы (пока писал). — В последнее время, к сожалению, память всё чаще и чаще изменяет мне.

Я ещё многое помню. Например: Николай Иванович родился 14 марта 1947 года в г.Бердечиве. Но — увы! — стал забывать то, в основном, что касается меня непосредственно самого. Я ещё помню, что Боккерини звали Луиджи, но уже забыл, как звали Сенеку. То ли Луций Аней, то ли Луций Гай? А может быть, и как-нибудь иначе...

Да! Последние дни, часы и недели я стал замечать, что память всё чаще мне отказывает. — Увы, сплошное бель-канто!

Однажды, год, наверное, назад, я хотел описать шкаф, но у меня ничего не вышло. Впрочем, я даже и не пытался (описывать шкаф, да и не начал...).

Всякая литература находит своего читателя, но не всякий читатель находит свою литературу. Так, например, А.М. пишет совсем не то, что ему следует. Я много раз пытался объяснить ему это, но так и не сумел. — Не верит! что поделаешь...

Так же: не место красит человека, а человек место. Но — и это очень важно — не всякий человек всякое место красит. Многие думают иначе и наоборот. Например, Н.И., поступив на выучку в редкую отрасль Ун-та, так заважничал, что все наши общие знакомые стали над ним смеяться. Николай же Иванович этого не замечает и продолжает важничать. Лицо его по этой причине становится всё краснее и краснее. Когда я встретил его последний раз на улице, цвет почти уже не отличался от моего теперешнего почерка¹⁹.

И всё-таки сейчас весна, несмотря на то, что уже 4-е ноября.

Со следующей фразы начнётся описание моего путешествия по железной дороге.

... Меня долго мучила мысль: можно ли считать электропоезда и настольные лампы достижениями человеческой мысли? Я так и не нашёл ответа на этот вопрос.

И.М. сказала, что присоединяется к вышесказанному (вернее, вышенаписанному), так как тоже не нашла и т.д.

Однажды²⁰ .....

---

¹⁹ Я пишу сейчас шариковой ручкой, странной, почти бордовой пастой.

²⁰ Вот отсюда начинается описание моего путешествия.

.....
 .....
 .....
 ..... великолепные плакаты, обычно
 висящие на перронах пригородных станций и городских вокзалов. Молодые румяные люди с чемоданами в руках прыгают с платформ на рельсы, прямо под приближающийся поезд; чем-то на героев детективных романов, падают, нелепо раскинув холодеющие руки, из дверей быстро мчащихся электричек; юные стройные девушки (все они спортсменки, не иначе), спеша . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

(Читатель мой вправе, однако, спросить меня: кого я считаю героями детективных романов? — Но оставим это. Бог с тобой, милый читатель, не ходи по железнодорожным путям.)

... Я-то, весна или что другое, думаю своё:
 Эрик Долфи, Эрик Долфи...

54.

Читал я "Историю моего знакомства с Гоголем"...
 В этом мне нельзя отказать. Да...

55.

- Miss Mis'take, I break down...
 - Let me be!

56.

опера "ля Кало".
дир. - Фаллилео Фаллилей.

57.

О современной русской поэзии Василий Кириллович
Трестьяковский сказал:

Х л о и к м у ч е н и ц а м п и с -
м у .

58.

" У т к и с я б л о к а м и - 3
Паштет из печени Прометея - 3
Салат - 3...

- Возраст мой... Возраст мой - десять годы нынешнего
века.

...Грибы - 2 (якобы волнушки)
шампиньо. I
Маслины - 2...

А мы и попишем. Такого понапишем! Будет вам уже Юрьев
день, засранцы проклятые!

...Цинандали - 2
Мороженое пломб. с фрукт. - I...

Э, нет! я свои мысли записываю, - мне своих хватает!
А ты помалкивай, заобойный шуршатель!

шпроты x 3
Минеральная вода...

- На карьере моей поставлен крест. Это ясно, - сказал он в туалете.

...Сливки х 2"

59.

Назавтра началось следующее число.

На будущей неделе, говорят, начнётся следующее число.

- Это будет понедельник?

Ещё неизвестно, милый... Кто ж знает-та!..

"у пушкинского читателя увеличиваются лёгкие в объёме."²¹

60

Обращаюсь к стопке исписанной бумаги:

- Любезная сердцу моему Г.!²² Позволишь ли ты - -

21

В.Набоков

22

Г. - Галатея. Пусть будет так, читатель, читай "Галатея", - хотя для меня этот глаголь означает совсем другое, а именно: галерею, - галерею мелькнувших когда-то лиц, галерею при-, пре- и про- (ис) ходящих идей...

(...) — первый из них — самый яркий? — стоит передо мной, громко говоря что-то, в потёртом своём костюмчике защитно-стального цвета, воротничок которого — неминуемо! — скручивается в трубочку. (Для чего: смотреть? курить? — Оставим). Одинокий разрез пиджачка, разделяющий "фалды", разлетающиеся (или: ползущие, — но тогда дальше не так) в разные стороны, как бы ставшие сюртучными: увы! причина тому — слишком толстый зад, туго обтянутый широкими и ниже, гораздо ниже! — мятыми брюками. Но не это главное. Гораздо важнее вся его фигура, всё тело, словно состоящее целиком из колбас²³. А глаза! — Боже мой! — собачья внимательность...²⁴

2-й. — Его походка — —

Бывает наглым и грубым — никто не верит, да и сам себе не верит: не то, не то! — Пытается ласкать (и сам себя тоже): опять не вышло — слишком, черезчур — опять не то!

Блуд.

3.

Забавно ли выглядит повешенный КР—Н?

Очень неприятно даже про несимпатичных, — более того, отвратительных людей, — писать такую, хотя и правду.²⁵

23

Оговариваюсь: это не реминисценция из Л.Л. и даже не Трэдлис, хотя помню и то и другое. Это — всего лишь факт. ("Хотите верьте...")

24...к колбасам, к сосискам, к котлетам...

Ищет и не может найти.

25Отвратительны — не все. (Часто — игра случая).

Примечание.²⁶

Это, читатель, не черновики и — тем более, читатель, — не ффоризмы. (Я ведь, читатель, не Лихтенберг, — у меня другие дела). Это, читатель, — главы, или, по меткому выражению Кэнко-хоси, д а н ы. А впрочем, читатель, зачем это тебе? Я себе пописываю, а ты себе знай почитывай, — всего и делов-то.

63.

Человек движется т о л ь к о и в с е г д а п о прямой линии. Я вижу эту линию. Я вижу эту линию. Она начерчена здесь.

Сквозь грязное стекло не видно домов. Видны только освещённые окна.

64.

Ошибки в цифрах этого года. 20 ли мая или другой июль? — Неожиданно прорастает откуда-то из глубины (глухой глубины) меня и разрастается, ширится: вот уже захватывает — и уносит. Только так. Прорывается.

Есть два образца. Белый — второй. Только второй.

Всегда есть первое и второе. Что главное? — Только первое. Но всегда и второе.

Наконец-то я дожид до слов "только" и "всегда". Может быть, - это главное. Эти слова!

65.

при писании в дороге - строчки прыгают.

В трёхстишии - третья (нерифмованная) строка должна мерцать.

66.

Проклятый прошлый ²⁷ год!

67.

Есть некоторые слова... - Я обрываю, потому что не знаю, как продолжить фразу.

Иногда я думаю (молча произношу) какие-то слова, - и сразу вокруг - светлеет: солнце вспыхивает.

Только что я сказал: "река Сансара", и -- -- вспыхнуло, упали лучи на старую, уже, конечно, не действующую церковь... Кирпичи из-под обсыпавшейся - штукатурки, замазки, - как там? - заблестели на свету.

Я не знаю, что это - река Сансара...²⁸ Но всё равно:
I've got a feeling.

27

Я имею ввиду именно и только тот, прошлый, кончившийся три дня назад.

28

Знаю, Господи, знаю!

Январь, скоро середина, а уже солнце, весна... Лужи на асфальте, и деревья, хотя совсем ещё без листьев, напружинились, окрепли. - Всё это неточно сказано, но что же делать?

Иногда не нужно точнее, чем есть.

Природа - другое дело, а люди к весне затаиваются, стараются даже почти не дышать. Многим удаётся.

(Вот и сюжет для романа, - надо только развить).

68.

Второе предисловие.

Отныне я отменяю все свои предисловия: и вышеследующее, и это, и любое другое.

69.

Игра в бисер... Кстати, к вопросу о бисере - - одна из песен Харрисона называется "*Piggies*".

70.

- - Как иногда ~~останавливаясь~~ перед картиной или на только что прочитанной строке. Или увидев нечто такое, чего не хочешь и думаешь, что не можешь, забыть, - "Да, больше ничего не надо."

Особенно в искусстве (т.е. в творчестве): остановиться - и это всё.

Хочется, чтобы и в жизни: когда-нибудь остановиться и навеки неподвижно замереть (или на минуту, на секунду хотя бы, всё равно...). Но никогда не останавливаешься

и проходишь дальше, а потом с нечеловеческой тоскою вспоминаешь что-то, и не знаешь, что это — это "что-то" — то! — Останавливаюсь; вот, сейчас, — или... завтра, только проснусь, — завтра, завтра..."

И тут же понимаешь, что всё — ложь, и не было ни этого вчера, и не будет завтра, но всё равно, — вспоминаешь, вспоминаешь, как будто в этом всё твоё спасение, пытаешься поймать... —Что? время? факт? — — Не знаю, но ловлю.

И так всегда: вспоминаешь, вспоминаешь... "И всё так..."

Попытался сформулировать поиски не утраченного, а ? времени.

71.

Если не сопротивляться (ничего не изменять, оставлять всё так, как есть) — —

Когда мне плюют в глаза, я начинаю видеть мир, учитывая личность плюнувшего: его плевков — часть его плоти; направленный в меня — выражение его воли; .....²⁹
— — а, следовательно, плевков этот (можно сказать) — сам плюнувший, его "я". И я смотрю на окружающий мир сквозь него, — его глазами. ("Если не сопротивляться" и т.д.)

72.

Обычно: Кто? — Бог.

Атеист: Что? — бог.

Но обе постановки вопроса (или любая другая) ничего, в сущности, не меняют: всё остаётся так, как Есть.

"Встреча с Годо! Пьеса не-абсурда.

73.

Сегодня, выкурив ртом папиросу, я.....

74.

..... сидел за столом и изо всех сил что-то писал.
(Он) подошёл сзади и заглянул через плечо --

75.

Что-то есть в этом ненастоящее, - но что?

_____

Вот так - сидишь и ждёшь, пока не зажгут фонари, так и ждёшь. И ждёшь, и ждёшь...

76.

К старости я понял, что во мне есть: детскость.

17.3.71.

Утром, просыпаясь, мучительно вспоминаешь наступившее число, чтобы написать его сверху (здесь, в левом верхн. углу): всё должно быть строго документально, т.к. — факты. И только факты.

I) Малюжата Семиль. О хэппенинге без комментариев.

"Театр" 1968 № 2. Стр. 157-162.

Арто: "Театр должен содержать всё, что только может произойти на сцене, независимо от написанного текста..... через связь театра с возможностями всех форм выражения, со всем, что относится к преобладанию жеста, звука, краски, движения и т.п., театру возвращается его первоначальное направление ..... зритель находится в центре, зрелище окружает его со всех сторон ..... образ и звук являются постоянными; крики и шумы выбираются прежде всего из-за их звукового качества и только затем с точки зрения того, что они представляют".

Дж. Кейдж: 4'33"

М.С. Экманн (компилируя)

1) Освободить ис-во от эстет. барьеров и впустить в него "ядрёную и сочную действительность".

2) Уничтожить пассивность публики³⁰ и способствовать её участию в создании ис-ва.

— Если не удаётся уничтожить пассивность, то уничтожить самое публику, физически. (автор).

3) Создать общественную и критическую функции ис-ва, содержание которого перестало доходить до потребителя, ибо произошло пресыщение культурой.

...) имитация жизни ..... действительность - постоянная изменчивость ..... движение, множественность происходящих явлений ..... ряд элементов ...

Кейдж: "задача хеппенинга есть принятие жизни без попыток упорядочить хаос и без добрых советов"

П) Л.Щепилова. О хеппенинге с комментариями. "Театр" 1969 № 5. Стр. 152-157.

Эл Хансен: "Я думаю о хеппенинге как об ис-ве нашего времени."

"Суть теории хеппенинга и центральная мысль и философия его творцов - идея слияния ис-ва и жизни. Как и жизнь, хеппенинг - форма ис-ва правдоподобия и случайности. Физические действия, продукты, отдельные предметы, звуки я объединяю в хеппенинге как результаты жизни, в которой я живу."

А.Капров: "ис-во идеи" или "литературный совет"

(Например:

"В Токио идёт дождь."

"Красный свет на Бруклинском мосту"

"Наполните стакан водой через два дня")

Роберт Витман: "Вещь, которая интересует меня более всего в театре - это возможность использования времени. Время для меня - нечто материальное. Мне нравится обращаться с таким образом. Оно может быть использовано, пластик или любой другой материал."

Хансен: "Лучшая стимуляция энергии хеппенинга идёт от анархии."
 - - "Для нас неожиданность - не угроза, а желанный гость."
 - - "Природа хеппенинга - факт." - - "Я думаю, что многие вещи, случающиеся в хеппенинге, одновременно восхищают публику и внушают ей страх."

79.

В одном из писем к Рэй Чарльзу О.Мандельштам писал:
 "Играй же на разрыв аорты..."

Современная серьёзная музыка?... А!
 знаю - - Хендрикс, Мэйл, Винвуд, Боб Дилан...
 Элвин Ли...

80.

День X, - о нём.

81.

Фонарь, редко покачиваясь, освещал отведённое ему место. Тень столба быстро расширяющимся треугольником бежала по слякоти: луч тьмы в светлом царстве.

"Опыты": Мишель Монтень, Джими Хендрикс...

Навстречу - девушка. Ощущение только что купленной и ещё не разношенной вещи. Всё в ней "блистало новизной": новое платье, новая сумочка, новые туфли, грудь, волосы, ноги, руки, плечи и т.д.

Географическое (даже в пределах города и его окрестностей) положение может оказать о человеке очень многое.

Теперь я могу заявить — публично, кому угодно в лицо, — что принадлежу к людям второй зоны.

Мои районно-географические сокастники вряд ли задумываются над своей принадлежностью не только ко второй, но и вообще к зоне как таковой. Я же — задумался (и давно), и теперь говорю и себе: я — человек второй зоны.

Две хорошие пословицы:

"Познай самого себя" и "Всяк сверчок знай свой шесток."

Иными словами: знай своё место. — Знай свою о пагму, собака!

Очень часто, долго кружа "вокруг да около", мы приходим наконец к известному с самого начала (казалось бы!) и, как мы поначалу думаем, пошлomu. И так, да не так...

Читать Гоголя со смирением. Со смирением же читать и "Лемцзы".

Нравоучительные тексты можно встретить всё реже, — но: кое-что всё же есть. Да и останется,

Я знаю, что такое отказ. Теперь мне хотелось бы испытать на своей шкуре отречение от чего-либо: никогда ни от чего не отрекался по-настоящему (полностью и безвозвратно), и вообще, — что это такое, "отречение"?

Хочется знать: можно ли, например, отречься от предмета ("вещи в себе") или явления природы? Или это только — —

(больше не хочу об этом)

Странный сумбур...

Что это? отказ от какого-то круга идей? потеря трудоспособности (если не сказать вдохновения)? Или потеря того (чего?), что могло бы быть моим двигателем? Успокоение? но тогда - вечное, долгое или только "сейчас".

- Может быть, наоборот, подъём? - Нет?..

Так и вьётся, так всё и вокруг...

Очень хочется - мучительно, невероятная потребность - сказать крайне лаконично и глубоко, отвечая разом на все возможные вопросы, - - как, например, описание природы. Сказать: "Снег". Точка. Конец. - - Или: "Пространство ночного неба". Точка. -

- Нет? ... Тогда не знаю... Впрочем, чувствую:
п о ч т и .

Иногда с необыкновенным удовольствием перечитываю (даже - читаю!) мною самим писанные тексты. - Честное слово, - сильное чувство! Так, мне сильно нравится Параллельный Текст. (Оговариваюсь: недостатки я тоже замечаю, - их знаю).

Недостатки текстов (теперь уже не о себе) я могу обнаружить сразу. Иногда делаю вид, что не замечаю. Иногда сознательно - как это сказать: пропускаю? пролистываю! - неудачные места, потому что ищу в тексте совсем другое.

Можно ли меня за это винить? Или за то, что всегда могу найти недостаток?

(Однажды я сказал, что нет ничего такого, что могло бы прийти мне по вкусу, вообще ничего, - - и тут же покрылся холодным потом: а вдруг не солгал?)

Здесь хватит. Только напомню ещё раз:
-Эрик Долфи. Долфи, Долфи!.. Господи!

Стоит мне исписать примерно две страницы или написать хотя бы одну-две удачных строки, — как чувствую, что опустошён до предела.

83.

Брожу ли я вдоль каменных заборов,
вхожу ль на грудь битых кирпичей, —
всегда я остаюсь — —

— Да, это так, так, так. Невысокая каменная стена, освещённая тремя всего лишь тусклыми фонарями, — полумрак. Вот здесь и приходится ходить. А больше нигде, — да и некуда. Мучительно ждать, пока наступит рассвет, и можно будет потушить свет, — когда настанет настоящее освещение. Это очень важно: настоящее, — иначе — правильное. Тогда и всё будет таким же (я надеюсь, что так).

А пока — кирпичная загаженная стенка и нарастающий ещё грязный снег двумя-тремя кучами, придавленными грязью же, — окурки, пыль, глина, обломки ...

Будки диспетчеров (читай: сторожей), или Курсы одиночек. И так уже полтора года; больше... Раньше где-то было записано: "так и ждешь, но не зажгут фонари..."
А время, время...

Для того, чтобы отделить один текст от другого, обязательно начинать новую страницу или тетрадь, — достаточно изменить цвет чернил или почерк.

Очень немногие понимают сейчас истинную сущность прозы, да ещё и "современной". А по-моему, просто: соединяй. Соединяй соединимое, уже воссоединённое или вообще несоединимое, — и дело в шляпе, как сказал Барков

Сумаркову многоточие, многоточие.

Ещё совет:

- Писатель, ты не тубик с зубной пастой, - не выдавливай из себя на бумагу. Держись попроще, поскромнее, поталантливее, понезаметнее, но без (не без) наглости. Не очень вдавайся. А лучше, - совсем не. Будь, как, скажем, я, - и всё тут.

А сколько лет я сам... - Боже мой! И до сих пор не сказать о Делфи.

84.

К.К.К. ³¹ - Константин Константинович Кузьминский.

Или: Кузьминский есть ~~Константинович~~ Кузьминский есть Кузьминский.

Итак, дорогой К.К., я всё, оказывается, помню и всё могу, выходит, записать.

Смешные, к слову, бывают аббревиатуры! Например: Журнальное Объединение Полевых Астрономов.

85.

Три примерно дня назад я был в гостях у М-ва и - в который раз! * подумал: ну зачем ему столько пластинок?! - Я спросил его. Оказывается, все нужны, все любит, все слушает.

(С одинаковым удовольствием? Что же - все оди для него одинаковы?).

Jimi Hendrix . Его первый диск. "The Wind Cries Mary" ?

"Радио Люксембург" по ночам. Новые вещи Маккартни, Харрисона, Леннона... Бывает Винвуд (крайне редко);

31 т.е. Ку-Клукс-Клан

Дилан. Часто — Джеффо Талл".

(Мне обещали чей-то диск под названием "KSD")

Майла Дэвис + "Кровь, нет и Слёзы". — Новая запись.

Часы идут и идут. Скоро дойдут. До кондиции.

" Как поживает Э.? "

И. сидит дома в кресле со сломанной ножкой и дуется. Как мне научиться не опаздывать? Как?!

(вспомнил С.):

— " Сучья пища " — только так " *Bitches Brew* " и переводится. Как же ещё-то?

...а *New Grass* теперь в Ист-Ривере проросла...

86.

Да, всегда, да, каждый раз начинаю писать с одного и того же места. А вы говорите о чувстве пространства... Вот оно, это чувство: всегда с одного и того же места, с одного и того же. — Как будто невозможно сдвинуться, сползти хотя бы, с "некоей точки"³². — Да: на самом деле невозможно. Некуда.

..наркотики унесли одного из нас, но зато привели трёх других.

— Странные, гм, двусмысленности!

— А я их не боюсь.

Действительность. — Вот она, действительность — —
Время. — Вот оно, время! — — Пространство. — Вот оно,
и т.д.

- Не действительность...
- Не проще ли оставлять прямо реестры?
- Проще... А может и нет.

87

Решил каждый день записывать, где был и что сделал.
("Дневник писателя").

"Первая книга коанов", "Вторая книга коанов",
"Третья..." — — и т.д.³³

88

Когда я пишу, мне уже трудно помешать. — Вышел уже
из того возраста, когда можно было... Да.

89

Последний год я много читаю.
На днях прочёл Воннегута. Такие дела.

Да, с того же самого места я всегда и начинаю. Отку-
да же ещё начинать, хоть и торчишь в третьей — — —

33

Названия (подзаголовки) моим книгам.

Не работает голова и больше никогда не будет работать.

90.

Хеппенинг всегда должен происходить абсолютно свободно: "Для нас неожиданность не угроза, а желанный гость", — это и я мог бы сказать.

Но всё же стоит подчинять это действие замыслу, хотя бы для того, чтобы сказать именно то, что говорится в процессе "говорения". Поэтому любая неудача при осуществлении хеппенинга — не более и не менее, чем реальная жизненная трагедия.

Я очень хорошо понимаю Хансена, заплакавшего, когда у Джима Дайна крошился во время действия мел, и он не смог написать на грифельной доске тех слов, что должны были — по сценарию — быть написаны...

91.³⁴

... прочитан также и эпохабный роман В. Н-ва.

92.

Окурочок поскользнулся, упал в лужу, вымок до костей, простудился, заболел и умер. Не будем об этом забывать.

93.

Всё, что волнует (если можно так выразиться) — это:

что и как писать.

Задаю себе ключ. Здесь нет никакой ("ложной скромности"). - Я прав?

Не знаю, стоит ли об этом... - Как-то слушал , и под " " на моём подоконнике совокупились пара голубей. Неужели и птицам "свойственно чувство прекрасного?" - Власть музыки...

Как часто мы используем своё тело отнюдь не по назначению!..

94.

Вмещение информации - - как её вместить? надо ли? - Приходится....

Не то, что раньше: в одном доме (две-три комнаты) - и всё. Все - там. И все так.

Как теперь уместиться самому? В этой информации, что ли?

Легче, конечно, самому представлять информацию собой, чем информацией представлять себя... - Но что делать!

"Вам почерк, что ли, мой не говорит ни слова?.."
 Всё чаще моя рука вырисовывает: "что ли", "что ли",
 "что ли"...))

95.

И всё приходится вертеться в тех немногих словах, что мне известны....

96.

Ночью, в темноте, сухие жёлтые листья светятся (постепенно светлеют и начинают светиться)...

97.

Тут-то это и случилось.

- А что же было дальше? - спросил *White Knight*.
Собеседник молчал.

- Да я же всё время только об этом и толкую,
только об этом и говорю!..

- Что "роман"? Роман - это я, а я - это роман.
Все дела.

98. 35

- Ну да, вот так и пишу, и пишу, и пишу, - а потом
падаю (пока не падаю) - мордой об стол...

- Об рукописи?

- Ну да...

Последнее время я постепенно окружаю себя Пушкиным.

"О ком же это?"³⁶

Это не я писал, — это написано мной.

О Хендриксе:

Вполне заменяет мне собственное творчество, да.

Что же, попробую поглазеть перед собой, — может, получится? .. Может быть, Получится? — может быть...

Пропущенная глава. (76^a).

Как же (что же) ещё писать дальше, если только и осталось, что этот снег перед глазами? — Некуда дальше.

... и всё-таки всё было вчера... — Что? — И послезавтра. — Когда? — И послезавтра... И послезавтра всё, может быть, кончится.

Но надо быть кратким. Надо быть лаконичным. Надо
 быть лаконичным, лаконичным и ещё раз лаконичным. Лаконичным,
 кратким и лаконичным, всегда сдержанным и не-
 многословным, лаконичным и кратким, кратким, кратким,
 кратким, кратким кратким кратким кратким кратким крат-
 ким и лаконичным

и вчера...

...лаконичным и лаконичным и кратким -
 - - вчера ли? -
 кратким и лаконичным - -
 послезавтра? - да --- --

- кратким и лаконичным лаконичным и кратким кратким
 кратким.....

-... и может быть послезавтра.

к о н е ц

1966 - 1971
 10 июля 1972 года.

Прошло четыре года.

Ведьма ухала черепом в лед; ночь, декабри, январь. Свист поземок, раскрут лиховеинных закруток. С косогора станины ледовой кто-то глазом сучил преисподню болотистых мраков. Шептались видения, в навозе ноги свои согревая.

Курченок простуженный сизый, облитый чернилом, против ветра рванулся, хозяйка с ножом, с фонарем позади, но отстала. Меж торосов царапками по льду, к проемине бежала пернатая тень от домов, от столов. Бородатые кошмары по перелескам сигналы.

Она. В красно-байковом-на-турецком ватине пальто, из кино возвратилась, из города. После работы затоптать недоедки прибрежных лиризмов. Страшно: то ли просека, то ли канава, то ли куски болтаются за верандой или над- не видеть. Тепловатая вяль щупала пломбы зубов, забиралась за перегибы кашне, кашемировой кофточки с брошью- то был знак педучилищных курсов.

Оглянулась- не рассмотрела: на востоке града токи сияющих улиц, проспекты- прожекторы. Синева! Там река осветляя свои нечистоты,- заводы любили в нее помочиться ядом редких сортов,- постаревшие воды влачила к отливам, к приливам. Отсверки забытого града коснулись женского носа и исчезли за дверью. Пришел домочадовский хаос и запах пах.

Вот и день умертвили удачно, миллиарды таких впереди. Их в бильярд отстучим, отвоняем блевотиной тайн, и каких!

Пропустила в свою комнатенку стайку учениц. В кухонный гам пошла готовить ужин. Пока промывала овсянку

/варить и давить с соленой камбалой/, вспомнила со злобой завуча, как он в окриках рыло навохривал: никогда, ни-ни-ни, не разделю вашей симпатии, голубчик, Зинаида Одовна, к Обломову! Что вы нашли в нем светлого, пышущего маячным пульсом звезды троповадной? В этом сбитне клейстера и ячневой каши охающей паразитирующей.... что? В сем канонизированном лоботрясе нет ни единого позыва.... хотя бы скворешник для лесных птах сколотить, для мускульного экзерсиса. Наболтали детям о какой-то тайне сердца, о некоей гармонии и лености. Согласен, Атамана в булочной не найти..... а Костолизова вчера в учительскую со слезами кр прибежала. Как завуч- утешил. Это второй прецеденс. Папа отлучил ее от избы, а она- /уже зима/- без тулупчика: лень, обломы, обломовщина. Если и дальше эта зараза пойдет, кто на физо пойдет? Поломойщица или ботаничка Сиси?... Кстати. Обошлись без венка - - светлой... группа товарищей. Простить? Но и с великим Левоу вы осрамитесь. Мне каждый день мнения доносят, и прочее... и про вас, как вы сегодня несли чушь про динамизм запятой, про монему. Много себе позволяете, способствуете рождению слухов. Он прикрыл рукой подпись благожелателя и она прочла: мама сказала, что /была цифра 8/, - он не дал дочитать. А вот и: за то, что Харамузина ее любимица, ее мама ей дарит билеты в /?/ магазин... Завуч опять не дал дочитать. Техничка говорит, что вы пьете. Чертежнику противна ваша прическа. И кескесе за тайные говорушки происходят у вас дома. Смотрите, голубчик, добра, только добра желаю. И, вообще, с Обломовым у меня девятый год горе.

Управляющая литературописанием вернулась в класс. Пусто-пусто, в партах крошки хлеба, фантики, сломанное перо-следы надрывов в познании. Скрючилась, вспомнив супершлягер "Школьная учительша моя". Головка на бок, длинное платье, лукавый кавалерист в саване. Зависть, лесть, вон все из памяти.

В классе био кислые герани, рыбки вверх пузом. От тишины качаются планшеты с потрохами примата. Хозяйка класса закопана четыре дня назад. Маленькая старушка равно мечтательно рассказывала и о настурциях, и об аскаридах.

На улице учительницу поджидал Петя Рурькин- любимая жертва школьных репрессий, фуфыр и кентавр среди малолетних кентов. Лицо кроткое, глаза- шары для кегль-бана, пораженные жаждой конца света и бильгарциозом. Глаза мучителя стерильных ценностей. Мать сорок лет провела в больнице, отцу придавило голову. С петушиных лет читывал шестой том Даля и зубрил стозначную таблицу логарифмов. Ему-15. Обожает сочинения на вольную тему. Среди наглоинанахального ле фантастик: Гете и Колумб- братья, муравей-прадед муравьеда, а сновиденья принадлежат нам,- среди этих анекдотов в сочинениях Рурькина встречались и веселые истории: о квартире из тридцати комнат, о кастрюлях с замками, о магните под электросчетчиком, о пироге с накрошенными лезвиями, о балериночке Софи, поклоннице Айвазовского, берущей половину пенсии у слепых за доставку пищи. Сопляменники по школьным сидениям не раз подвергали Рурькина ostracismу, что, однако, не сбивало будничное мозговерчение.

Обратился к Одовне: на лодке можно в час другой, но поздний день, приходите на именины, в старый сад. Сели в лодку. Вы похожи, — картавила Зинаида, — на завуча, почему вы набросились на Обломова? Я лишь хотела выявить колебания. — Согласен. Главное — связать самость разума, и все для того, чтобы у баби было готовое мирроразумение. — Согласна. Жить афоризмами, а не эйфорией. — Согласен. Они будут вспоминать нас за труды пикантно-каторжные, без которых — солнце — не солнце, весна — не весна. — Теперь, когда все мои страхи за питомцев прошли, теперь, когда они, как и я отдерзались и начали путь к истокам тьмы, я снова вспоминаю будущие дни и вижу за партой своих учеников.

№ 1 — убит в козлятнике /17/.

№ 2 — перешел в 9^Г /50/.

№ 3 — в доме забытых /55/.

№ 4 — писательница, автор 275,5 книг по эстетике /17/.

№ 6 — не вернулось с лесопильни /70/.

№ 7 — 20 лет глотал мячи на манеже /84/.

№ 8 — до сих пор...

№ 11 — от рака сердца /15/.

№ 14 — жена /99/.

№ 15 — № 15.

№ 16 — прачка /62/.

№ 19 — обглодан саранчовыми /20/.

№ 20 — дворник /400/.

№ 21 — процессуальный оптимист /30/.

№ 27 — мастер женских причесок /18/.

№ 29 — сказительница, умерла в 596 лет.

Петя Гурыкин, ответьте, где вы сейчас, и по какой номенклатуре проходила ваша жизнь? Что не гребете? Мы встретились у Дома засоленных рукописей. Вы пытались подкинуть туда свои "Воспоминания о любви". Позже я читала их и долго корчилась не то от сострадательных инфинитивов /торт с финиками был тогда/, не то от страдающих прерогатив певучих. Особенно— слова в твоём рассказике: растерзаю этот мир и положу к твоим голеностопьям. Обратила внимание, Петя, на излом в междусочии глав "Орлица моя" и "Преступник отчаянный, милый". Последняя глава, где ОНА швыряется в окно /из-за дилеммы/, успевая рыкнуть до разрыва коронарных ниток: я раздавлю асфальт персєю— последняя глава насыщена риторнеллями с имитацией фалекнева стиха; предромантизм параболической мысли, украшенной версифицированными варваризмами, сдобренной эпиталамической интерполяцией /эпизод в таверне/..... Блестяще написана сцена Эго с Джеваниной: анадиплосис безучастия, великолепные издевательства над компаративистами из клики структурологов менипповой сатуры. И все хорошо, но Еврипида не превзойти, если талант не полакомится в конторских и больничных палатах.

Вы все-таки изловчились подкинуть несколько сборников со своими вечными текстами в форточку Хранилища маринованных рукописей. Потом вы закричали: коня и шпагу мне и поступили в седьмой "Б".

После каникул вы, с загорелыми взорами, пропитанными отечественной патокой, писали сочинение на тему "Прощай, лето". Сказочница описала ~~как~~ то, как она наряжала летнюю

елочку новогодними игрушками. № 16, прачка, смаковала дружбу со слепым мальчиком. Процессуальный оптимист: чуть не подавился солнцем. Мастер женских причесок: воровал мед и продавал больной матери, № 12: облако похоже на вырезанную опухоль. Писательский зародыш: о своем путешествии по Фландрии и Месопотамии.

Ты же, мой дружок, накрывал какие-то опусы, начинавшиеся со слов: ...закат сатанел¹ ...луга играли в обезьян² ...приснули прахом года многолобых усилий³ ... дух времени строит себе хранилища силы⁴ ...Оркус вкусил пасхального пирога... и так далее.

На официальном разборе № 20 резко осудила тебя за формализм и кривляния. Она же пожаловалась завучу, что Печорин не упоминает об Оркусе, а я не поведала ей биографию Универсума. Все хвалили Ко-столизову за ее "Италийские напевы". Опять-таки, № 20 любопытствовала, сколько надо изодрать веников и лопат для сбора средств на постройку фрегата "Паллада"? Она мечтала совершить круиз с Карузо.

Я была спокойна: ты был и моим мужем, и завучем. Это случилось давно-давно, в яхт-клубе. Тогда лежи еще не жевали пятна солянки и ночами ты бегал к пляжу, сопровождаемый мотыльками и взорами замаскированных сторожей.

Утром начались гонки. Твоя старая яхта тащилась самой последней. Я бы плевать хотела, если бы /а наша коман-

---

1 - И.Сельвинский, "Улялаевщина", М-Л, 1930.

2 - Дж.Джойс, "Улисс", Лондон, 1922.

3 - А.Белый, "Московский чудак", М., 1927.

4 - Р.-М. Рильке. М., 1971.

да- женская/ не разорвало в дым на фордевинде спинакер. Как только вы приблизились, у вас отвалился киль. Посудина вмиг затонула. Мы и одеться не успели: был хороший для загара денек. Моих подруг ранил лопнувший такелаж. Вы к этому времени вышли из гонок- слишком отстали, успели напиться. Мы пытались подплыть к вам, но безуспешно. Вы не хотели нас спасать. ВЕСЕЛЫЙ, СТРОПТИВЫЙ ВЕСТ. Балы волн. Очнулась от боли. Вы привязали нас за волосы к корме. Яхта тащила нас по волне. Я и подруги, кажется, захлебнулись /3 лицо/, - и вращались винтом на волосах; я пыталась вырваться - - безуспешно. Яхта пала на мель. Парус вспыхнул. Кроме тебя - ТЫ СОБИРАЛ крошечные цветы- и меня- никого. Яхту с моими волосами сбил в залив приступ шквала. Мы остались на мели и купались, пока не сошел снег. Ты закрыл руками мою оскальпированную голову и жевал песок. От него пахло так же, как тогда, в соборе, когда через год и двести пять лет мы, пробившись сквозь вой, и свистки, и плевки - - обручились. Мне тогда содрали парик, и ты снова закрыл мне голову.

Снег на небесах иссяк, я лежала на твоих коленях а ты читал татуировку на моей груди удивлялся что она не стирается всемогучими ладонями . . . . . кончилась кровь . . . . . нас ждали на берегу мы уехали чтоб расстаться

МОЯ ДОРОГАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА УТЕШИТЕЛЬНИЦА Я СЛЫШУ ТЕБЯ
Я НЕ СЛЫШУ ТЕБЯ   За несколько месяцев до исхода меня катали в коляске по секретному парку. Спецдеревья украшали спецозаис. Спецчеловек вез меня, дышащего спецозоном.

Аргоматные думы делали мне визиты. Спецскульптуры, сделанные спецкселенсами, животворили спецутро. Скрежетали-жршр - ссазым - качели. В них сидел шакал в вуальке с ради-кюлем. Читал меджурнал: желал на 23 минуты больше прожить. Звуки изматывали меня. Попросил остановить коляску и заткнуть ватой уши... Последнее, что зрительно помню- вывеску "Тир", из под нее мне в глаза шалуном были пущены пульки. Засвинцевели зрачки. Я привстал, встал, пошел, не дошел и упал в бетонную урну: довспомнить и помянуть. Бегут эмбрионы сердитые, сытые; лапками шлеп, шлеп по витражам исторических досок. Лишь одно направление- Туда, там звезда изсиянная дарит клады чудес. Да! Туда! Но куда же еще? Только вот голос слышу ушедших, еще не дошедших... Голос тех, кто еще собирает вещи в мир вещей: НЕ ТУДА.

Это были твои слова, сказанные в тот вечер, когда мы ели овсянку с комбалой. Ты пригласил нас к себе: домашний вечер назывался "В мире прекрасного". Учительша долго объясняла, что хорошее и чистое издавна шагают за человеком. У нас задымилось сердце от таких непонятных, но добрых и чистых слов. Ты продолжала; мы родились украсить землю, посадить грушевую аллею, цветных ленточек нарезать. И, когда дети будут ходить не по земле, а по шоколадной плите среди эвкалиптов, они вспомнят нас! Костолизова разрыдалась, но ты ее перебила: это будет нам наградой, это памятник нам. Дети, я хочу посвятить вас в тайну добродетелей, в тайну непроглядных просторов прекрасного. Да, прекрасного с большой буквы!

Ты ушла в транс, пала на колени и, простирая руки к

потолку /на чердаке кисло пальто, кочерга, белый зуб, простреленное осиное гнездо/ уже не шептала, а кричала: земля, я до слез тебя люблю, твои поля, луга /пали и мы на колени, стали подхоривать/, горы и просторы, рыб и птиц, огороды и океаны. Это все- Я! мы вторили: это все- Я! Спасибо тебе, мать-земля, что сделала из нас смертников, мы спокойны- земли хватит на всех. И будем вечно любить тебя, кормилица падали, ком грязи, выдающий себя за нашу истинную родину. Вери свое спасибо, пристанище нужников и вбешенной органики!

Наверно, мы тогда ощутили белые пятна на географии собственных душ, маленьких пегих, безликих по-суслицы, не души- дергунчики, куклы на ниточках.

Солнцаглые осенние дни гуляли по городу. Ученики мои отдыхали в Атлантиде, а я слышала твой говор: четверть- нимфа, полукривляка. Настала ночь для полетов в ДАО; на мне взорвался кулон из лунного камня; из разорванной груди сыпались мохнатые колеса. С кошмаром; присела; на колени; гладила себя, погружаясь в третий, пятый сон. Уходила все дальше от наивов первого человека. Хотела выйти с другой стороны сна. Изнемогла, упала под аркой одного из снов. Он гнался. Знала /не знала/ кто. Он мог бы пустить меня в пробуждение и навсегда оставить на дороге к знакомому дому.

Ты, Петя, называл меня обожательницей фитюлинок: да, я собирала удивления- альбомчики с горами, детские калоши, зубы вурдалашек; был и мушиный глаз со стайкой попугаев внутри, эту драгоценность подарил мерейчатый мазурист. Он

работал завучем в школе и по ночам занимался в ржавом трамвае огранением мыловощин. Его дожимала девятая смерть, но он продолжал петь; где пройдет со своей песней— соловьидохнут. Однажды он не катал меня на лодке, было не наводнение, его нелюбимое состоянье— вода не до четвертого этажа. Она назвала меня "моя лучезарная девочка". Стало противно и я, схватив его зонт с набалдашником из дымчатого топаза, с эмалью и хризолитами, кинула за борт. Он меня просил выслушать и пойти за ним.

Мы приходим на плато, застроенное до бесконечности, бараками из серого. Бараки длиной в километр. Мой спутник по винтовой лестнице поднимается на железную вышку. На ней белый флаг. По мере того, как он поднимается, пройденные их ступени отваливаются. Знамя ищет встречи. Входит в пустой барак. Вместо окон— круглые отверстия. Внутри барака стены состоят из ящиков. Она выдвинула один. На дне буква "Я" и номер. При попытке задвинуть ящик из него вылетело облако черного порошка. Оглянулась— никого. Тихий свист. В других ящиках— то же, только цифры другие. Мимо учительницы пробежали огромные ножницы; юркнули в стену. Кругом ни души.

Там, где разбился спутник, не пустивший ее на путь через сны — там, где он упал, шевелилась с детскими глазами куча серебристых пиявок.

Флаг исчез.

Везде, во всех бараках она видела одно и то.

.....Из сна я не вернулась. Его не было.

Легкий завтрак с Питером Классом. Прогулка с мужски-

ми и женскими полуфигурами, по мелководью "морского берега" Якоба Рейсдаля. Ленивая речь о лодыжках в свежей воде; полоскания парусов в утомленном облаке. Ветренные колебания волн, волны водянистых ветров. При выходе с полотна поранилась о раму и побежала по ночному залу, оставляя черные капли жизни.

На пароходе ее привели в трюм, перевязали. Там были все коллеги по школе. Я рассказала приключения. Утром обмен документов. Пересадка. В фургон. Неделя пути по степи. Сдохли лошади. Съели. Путь пешком. Я чувствовала.

Нет! Нет! Меня душат черным порошком. Теряю сознание, но успеваю понять, что затолкнули меня в ящик.

Плато.

То самое.

Прошло несколько сот ночей. В ящике потеплело. Хозяин к тому времени вытащил из ящичков кое-кого из моих учеников, и они резвились на бетоне, изредка любуясь трепетом белого флага. Я слышала знакомые голоса: поцелуй— это такая игра, кто у кого спинной мозг высосет.....

Пришла зима. В мой ящик не доносились холода, к моим цифрам, к моему пламени ворвалась мускулистая саранча, скрутила меня, притащила в мой дом. Заткнула рот пластилином. От звонка в комнату провели провод ко мне. Один полюс к животу, другой к затылку. Цокая по насту, ускакала. Следы вели к станции. В словых пустотах слышен клопий тропот. Пришла пора писать сочинение "Здравствуй, лето". В нем будет рассказано о том, как одинокая душа притворилась защитником мгновений, как она, обращаясь к попутчикам,

к восклицательным знакам, говорила: "Не доверяйте себя математикам, цифры. Вы — огонь, вы не цифры, а — пламя, и ему есть о чем вспомнить: обо мне, о напевах приморских, об обители терпких времен. Пусть фантазия преукрасит неведомый, вами ведомый мой образ. В темных эмоциях истокам не ночевать. Цифры бег бесконечный в беспечность, в пространство, , спокойно все разомкнуть. Да, прозрение, порой, ослепление, взгляд в страну неизбывных и подлоизящных чудес мозговых.. Если взглядом разбить себе мозг, раскопать и понять все подробности клеток, решеток, барьеров?—что тогда? Да! Пустое кричит мне в ответ. И ответ, как завет для скандальных гримас эшафотных, эхолоты тоски убиваются в грязных сенцах.

Звукосвет подошел, просит его приютить. Звукрогневь, гневномызыка звук огненнозвучных музык.

/ не точное/: ты движеньем объята, ужели не жизнью, Женщина-не?..

Женщина не нуждается не в ландаштоблустительстве, ни в биокорчах. Истинная женщина это женщина —не, это тень от благого Ничто, зовущего на свою родину/ без морей и канонор
— — — там, там мы будем людьми.

За дверью послышались шаги, это ее любимая ученица шла поздравлять с днем рождения.

От первого звонка задымился парик, после второго задымилась кожа.

Вот срезали с меня бальное платье. И позади моих глаз проскрипели лезвия ножниц. Подхожу к зеркалу. Вижу обожженную струпистую колоду, у которой в руках книга сказки. Сверкая кольцами ножниц она вышла. Босьяком по льду

идет весна. Скоро каникулы.

За ней топает стадо саранчи в валенках. Ледобредит шлеп
залив. Саранча ежится на берегу, платочками машет. Лыдина
с учительницей кружится, искрится. Вчера был день. Паденье
тем усталых. Вот исчезает берег. Вечер. Вечер.

.....